

LETTURE MURATOVIANE III

Studi in memoria di Xenia Muratova

ТРЕТЬИ МУРАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сборник научных статей памяти
К. М. Муратовой

a cura di
Rita Giuliani

Lithos

ТРЕТЬИ МУРАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы международной конференции

(Неаполь, 28-30 сентября 2017 г.)

Сборник научных статей памяти К. М. Муратовой

Составитель и редактор

Рита Джулиани

Liberassociazione Paolo Muratov

Международный Научно-исследовательский Центр Павла Муратова

LRM

Lithos

LETTURE MURATOVIANE III

Atti del Colloquio Internazionale
(Napoli, 28-30 settembre 2017)
Studi in memoria di Xenia Muratova

a cura di
Rita Giuliani

Liberassociazione Paolo Muratov
Международный Научно-исследовательский Центр Павла Муратова
LPM

Lithos

Collaborazione alla cura dei testi: Alessandro Romano

Корректор: Алессандро Романо

In copertina: *Il corteo dell'imperatrice Teodora*, Basilica di San Vitale (VI sec.), Ravenna.
Particolare.

Foto di Rabe! usata sotto licenza Creative Commons Attribution-Share Alike 4.0 International

Impaginazione: Paolo Alberti

© 2021 degli autori dei saggi

© 2021 Lithos Editrice
Via Vigevano, 2 – 00161 Roma
Tel./Fax 0644237720
www.lithos-libri.it
lithoslibri@libero.it

ISBN 979-12-80197-34-4

SOMMARIO СОДЕРЖАНИЕ

Tabula in memoriam IX

Premessa XIII

Об этой книге XVII

I PARTE. OMAGGIO A XENIA MURATOVA. PROFILI SCIENTIFICI. RICORDI. SCRITTI INEDITI.
BIBLIOGRAFIA DELLE OPERE

I часть. Ксения Муратова: ученый и человек. Воспоминания. Неизданные материалы.
Библиография К. М. Муратовой

Valentino Pace

Lettera per Xenia

Валентино Паче

Письмо к Ксении 3

Giusi Zanichelli

Xenia Muratova e la miniatura

Джузи Дзаникелли

Ксения Муратова и миниатюра 23

Peter Cornelius Claussen

Xenia Muratova – Unvergesslich

Петер Корнелиус Клауссен

Незабываемая Ксения Муратова 27

Georges de Canino

Il mio lungo viaggio con Xenia e Pavel Muratov

Жорж де Канино

Мое длинное путешествие с Ксенией и Павлом Муратовыми 29

Nicoletta Misler

Luce invernale

Николетта Мислер

Зимний свет 35

Георгий Хаценков

Помню тепло нашей дружбы ...

Georgy Khatsenkov

Ricordo il calore della nostra amicizia 37

Ирэн Андреева <i>Личная дружба</i> Irene Andreeva <i>Un'amicizia personale</i>	47
Ольга Фуксон <i>Дружба длиной в 70 лет</i> Olga Fookson <i>Un'amicizia lunga 70 anni</i>	51
Xenia Muratova <i>Mostra di Paolo Muratov a Roma / Выставка П. П. Муратова в Риме</i> Pubblicazione e presentazione di R. Giuliani	61
<i>Вспоминая о Манашире Якубове</i> <i>Ricordando Manašir Yakubov</i> Публикация О. Домбровской	79
<i>Overview of Muratov Studies and Activities of the "Centro Internazionale di Studi Pavel Muratov"</i> <i>Обзор исследований о Муратове и о деятельности "Международного Научно-исследовательского Центра Павла Муратова"</i> R. Giuliani, L. M. Lencek, A. Romano eds.	87
<i>The "Pavel Muratov International Centre of Studies"</i> <i>"Международный Научно-исследовательский Центр Павла Муратова"</i>	97
<i>Библиография К. М. Муратовой. Составила В. О. Савельева</i> <i>Bibliografia di Xenia Muratova. A cura di V. O. Savel'eva</i>	105
II PARTE. LETTURE MURATOVIANE III (NAPOLI 28-30 SETTEMBRE 2017). ATTI II часть. ТРЕТЬИ МУРАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ. МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (НЕАПОЛЬ 28-30 СЕНТЯБРЯ 2017 Г.)	
Рита Джулиани <i>Павел Муратов, или инерция литературного канона</i> Rita Giuliani <i>Pavel Muratov, o l'inerzia del canone letterario</i>	123
Василий Толмачев <i>Идея итальянизма в Образах Италии</i> Vasily Tolmatchoff <i>L'idea di italianismo in Immagini dell'Italia</i>	135

- Lena M. Lencek
Rapture and Ecstasy in the Aesthetic System of P. P. Muratov's Obrazy Italii
 Лена М. Ленчек
Восхищение и экстаз в эстетической системе образов Италии П. П. Муратова 159
- Ольга Шуган
'Галопом по Европам' (к истории литературной полемики 1920-х годов)
 Ol'ga Šugan
'Al galoppo per le Europe' (a proposito di una polemica letteraria degli anni Venti) 167
- Lucia Tonini
Un'idea di Firenze nelle Immagini dell'Italia di Pavel Muratov
 Лучиа Тонини
'Идея' Флоренции в образах Италии Павла Муратова 181
- Giulia Baselica
Il Casanova di Muratov
 Джулия Базелика
Муратовский Казанова 191
- Зинаида Васильева
Страницы жизни. Павел Муратов и Обнинские
 Zinaida Vasil'eva
Pagine di vita. Pavel Muratov e la famiglia Obninskij 199
- Gabriele Mazzitelli
Un italianizzante all'estero: Paolo Muratov
 Габриэле Маццителли
Италофил за границей: Павел Муратов 209
- Michaela Böhmg
Pavel Muratov a Napoli
 Микаэла Бёмиг
Павел Муратов в Неаполе 219
- Ирина Ваганова
Павел Муратов – вдохновитель и главный идеолог издательства К. Ф. Некрасова (1911-1916)
 Irina Vaganova
Pavel Muratov ispiratore e mentore della casa editrice di K. F. Nekrasov (1911-1916) 225
- Vanessa Henry-Virly
La collection d'intailles et de camées de Xénia Muratova
 Ванесса Анри-Вирли
Коллекция инталий и камей Ксении Муратовой 233

Михаил Талалай <i>Муратов и Лохов: подлинник и копия</i> Michail Talalay <i>Muratov e Lochov: l'originale e la copia</i>	237
Олег Тарасов <i>Pavel Muratov, i 'primitivi' italiani e le icone russe antiche</i> Олег Тарасов <i>Павел Муратов, италяньские 'примитивы' и древнерусские иконы</i>	247
Massimo Bernabò <i>Pavel Muratov sull'arte bizantina e russa e sui primitivi italiani (1924-1928)</i> Массимо Бернабо <i>Исследования П. П. Муратова по византийскому искусству в Италии (1924-1928)</i>	257
Эндрю Куртин <i>Александр Иванов в Неаполе</i> Andrew Curtin <i>Aleksandr Ivanov a Napoli</i>	271
Андрей Шишкин <i>«Элладу все же не разлюбляйте»: письма П. П. Муратова к В. И. Иванову (1925-1934)</i> Подготовка текста А. Б. Шишкина, презентация и комментарий К. М. Муратовой Andrej Shishkin <i>«Non disamoratevi però dell'Ellade»: le lettere di P. P. Muratov a V. I. Ivanov (1925-1934)</i>	277
Patrizia Rosazza-Ferraris <i>La Russia di Mario Praz</i> Патриция Розацца-Феррарис <i>Rossia Mario Праца</i>	287
Nadia Podzemskaja <i>À l'écoute de la voix de l'art: Pavel Muratov et Vasilij Kandinskij à Moscou (1918-1921)</i> Надя Подземская <i>Прислушиваясь к голосу искусства: Павел Муратов и Василий Кандинский в Москве (1918-1921)</i>	295
Елена Каменская <i>'Италяньские страницы' художника Александра Яковлева</i> Elena Kamenskaja <i>Le 'pagine italiane' del pittore Aleksandr Jakovlev</i>	309
<i>Crediti fotografici</i> <i>Источники иллюстраций</i>	323

Tabula in memoriam

AMBASCIATA DELLA FEDERAZIONE RUSSA PRESSO LA SANTA SEDE – Roma

RENATA ARCHINI – Associazione Amici Musei di Roma onlus

SILVIA ASCIONE – Roma

MICHELE BACCI – Université de Fribourg-Universität Freiburg

ANTONELLA BALLARDINI – Università “Roma Tre”

GIULIA BASELICA – Università di Torino

MASSIMO BERNABÒ – Università di Pavia

CARLO BERTELLI – Accademia di architettura Mendrisio, Università della Svizzera Italiana

MICHAELA BÖHMIG – Università di Napoli “L’Orientale”

JOHN BOWLT – University of Southern California, Los Angeles

MARIA CRISTINA BRAGONE – Università di Pavia

PAOLA BUONCRISTIANO – Roma

JEAN-PIERRE CAILLET – Université Paris Nanterre e FABIENNE JOUBERT – Sorbonne
Université Paris

JOHN F. CALLAHAN – Lewis & Clark College, Portland (Oregon)

NICOLA CARIELLO – Associazione Culturale “Aequa”, Riofreddo (Roma)

ALESSANDRA CATTANI – Università di Sassari

PAOLA CIONI – Istituto Italiano di Cultura, Sankt-Peterburg

PETER CORNELIUS CLAUSSEN – Universität Zürich

ANTONELLA D’AMELIA – Università di Salerno

GEORGES DE CANINO – Roma

ROBERTA DE GIORGI – Università di Udine

PIER ANDREA DE ROSA – Gruppo dei Romanisti, Roma

DONATELLA DI LEO – Università di Napoli “L’Orientale”

OLGA DOMBROVSKAYA – Archiv D. D. Šostakoviča, Moskva

MARINA FALLA CASTELFRANCHI – Università del Salento, Lecce

MARIALUISA FERRAZZI – Università di Padova

PAOLA FERRETTI – Sapienza Università di Roma

IVAN FOLETTI – Masarykova Univerzita, Brno

OLGA FOOKSON – New York

ÁNGELA FRANCO MATA – Madrid

ELDA GARETTO – Università di Milano

RITA GIULIANI – Sapienza Università di Roma
CATERINA GRAZIADEI – Università di Siena
EUGENIA GRESTA – Istituto di Alti Studi SSML Carlo Bo, Roma
EKATERINA GUNDAREVA – Università di Roma “Tor Vergata”
HERBERT KESSLER – Johns Hopkins University, Baltimore (Maryland)
GEORGY e TATIANA KHATSEKOV – Monaco
ALEKSANDER KISTER – New York
EMILIA KISTER – Seattle (Washington)
ILYA KISTER – New York
IRINA KOČERGINA – Moskva
YURI KUSHNIR – Fordham University, Bronx/New York e TATIANA SHILOFF – Ceton Hall
University, East Orange (New Jersey)
CATHERINE JOLIVET-LÉVY – École Pratique des Hautes Études (Sorbonne), Paris
JACQUELINE LECLERQ-MARX – Université libre de Bruxelles
FABRIZIO VITTORIO LEMME – Studio legale Lemme, Roma
LENA L. LENCEK – Reed College, Portland (Oregon)
NICOLETTA MARCIALIS – Università di Roma “Tor Vergata”
STEPHEN MARTH – Trinity College Rome Campus
GABRIELE MAZZITELLI – Università di Roma “Tor Vergata”
NICOLETTA MISLER – Università di Napoli “L’Orientale”
SIMONA MORETTI – Università IULM, Milano
ELIZABETH MORRISON – Paul Getty Museum, Los Angeles (California)
LUCETTA NEGARVILLE – Sapienza Università di Roma
JULIJA NIKOLAEVA – Sapienza Università di Roma
MASSIMO OLDONI – Sapienza Università di Roma
GIULIA OROFINO – Università degli Studi di Cassino e del Lazio Meridionale
ARTURO CARLO QUINTAVALLE – Accademia dei Lincei, Roma
VALENTINO PACE – Università di Udine
MONSERRAT PAGÈS I PARETAS – Museu Nacional d’Art de Catalunya, Barcelona
AMEDEO PAGLIAROLI – Sermoneta (Latina)
MARIA TERESA e DIEGO PERCOSSI PAPI – Roma
ALESSANDRA PERRICCIOLI SAGGESE – Società internazionale di Storia della miniatura, Cortona
NADIA PODZEMSKAIA – Institut des textes et manuscrits modernes (ITEM, CNRS-ENS), Paris
SVETLANA ROMANOVA – Dom Russkogo Zarubež’ja im. A. Solženicyna, Moskva
PATRIZIA ROSAZZA-FERRARIS – Museo Mario Praz, Roma
VIKTORIJA SAVEL’EVA – Moskva
ANDREJ SHISHKIN – Università di Salerno
ELIZABETH B. SMITH – Pennsylvania State University, State College (Pennsylvania)
CARLA MARIA SOLIVETTI – Università “Roma Tre”

- LUCINIA SPECIALE – Università del Salento, Lecce
OLGA STRADA – Fondazione Vittorio Strada, Roma
CLARA JANOVIČ STRADA – Università “Ca’ Foscari”, Venezia
OL’GA ŠUGAN – Institut Mirovoj Literatury im. A. M. Gor’kogo, Moskva
MICHAIL TALALAY – Institut vseobščej istorii Rossijskoj akademii nauk, Moskva
OLEG TARASOV – Institut slavjanovedenija Rossijskoj akademii nauk, Moskva
VASILY TOLMATCHOFF – Moskovskij Gosudarstvennyj Universitet im. M. V. Lomonosova,
Moskva
LUCIA TONINI – Università di Pisa
SILVIA TOSCANO – Sapienza Università di Roma
CATERINA TROCINI – Consiglio Nazionale delle Ricerche, Roma
IRINA VAGANOVA – Sankt-Peterburgskij Gumanitarnyj universitet profsojuzov, Sankt-Peterburg
DMITRIY YAKUBOV – Muzej Istorii Nauki i Techniki, Moskva
GIUSI ZANICHELLI – Università di Salerno

Premessa

Xenia Michajlovna Muratova (1940-2019) e Pavel Pavlovič Muratov (1881-1950) non si sono mai incontrati di persona, separati come erano dal doloroso ‘esilio’ di Pavel Pavlovič lontano dalla Russia. La casa di famiglia, a Mosca, era piena dell’«invisibile presenza»¹ di quello sconosciuto prozio, che si avvertiva nei libri, nei mobili, nelle opere d’arte, nei pregiati souvenir, nei ricordi dei familiari sussurrati a bassa voce perché, in epoca sovietica, avere un parente nell’emigrazione era un marchio d’infamia. Tutto ciò lasciava intravedere a Xenia bambina un incantato mondo di bellezza e, in lontananza, l’Italia, culla dell’arte e delle sue fantasie infantili. La vita avrebbe unito Pavel e Xenia con mille fili, grazie a un’affinità non legata solamente al patrimonio genetico, come la passione e la dedizione all’arte, la raffinatezza del gusto, il culto della bellezza, la cura della biblioteca personale, l’amore per l’Italia, per Roma, dove entrambi hanno trascorso alcuni anni della loro vita. Poi, sulla pagina scritta, Pavel e Xenia si sono incontrati tante volte: nei numerosi studi da lei dedicati allo scrittore, nei convegni da lei organizzati sull’opera di Pavel Pavlovič, nelle iniziative e finalità dell’associazione che lei fondò a Roma nel 2012, la “Libe-rassociazione Paolo Muratov”, prontamente ribattezzata da Xenia “Centro Internazionale di Studi Pavel Muratov”.

I due tornano di nuovo ad incontrarsi sulle pagine di questa pubblicazione, che vuol essere un omaggio concreto alla figura e all’opera di entrambi. La prima parte del volume è dedicata a Xenia Michajlovna, scomparsa nel novembre 2019. Un grande vuoto che vorremmo iniziare a colmare ricordando la sua figura di storica dell’arte di fama internazionale e di appassionata custode, divulgatrice e interprete dell’opera del grande scrittore. Ricorderemo però anche l’amica, la donna di grande fascino e bellezza, eccentrica e imprevedibile, cosmopolita al pari di Pavel Pavlovič, dall’erranza talmente connaturata da riverberarsi sul suo stesso modo di firmarsi, trascrivendo in caratteri latini il nome di battesimo – Ксения – solitamente

---

¹ K. M. Muratova, *Nezrimoe prisutstvie* [Una presenza invisibile], in *Vozvraščenie Muratova. Ot «Obrazov Italii» do «Istorii kavkazskih vojn»*. Po materialam vystavki “Pavel Muratov – čelovek Serebrjanogo veka” v Gosudarstvenom muzee izobrazitel’nych iskusstv im. A. S. Puškina 3 marta-20 aprelja 2008 goda [Il ritorno di Muratov. Da Immagini dell’Italia a Storia delle guerre caucasiche. Materiali della mostra “Pavel Muratov uomo dell’Età d’argento” al Museo di Belle Arti A. S. Puškin 3 marzo - 20 aprile 2008], pod obšč. red. G. I. Vzdornova, K. M. Muratovoj, M. 2008, pp. 105-111.

all'italiana ('Xenia'), talvolta con l'accento, alla francese ('Xénia'), ma evitando come la peste di traslitterarlo secondo la norma scientifica internazionale ('Ksenija') e facendosi chiamare dalle persone care col nomignolo della sua infanzia russa: 'Asja'. Memorie di amici e colleghi, profili della sua figura di storica dell'arte medievale si affiancano nel libro a tre suoi testi inediti: *Mostra di Paolo Muratov a Roma / Выставка П. П. Муратова в Риме*; *Вспоминая о Манашире Якубове* (Ricordando Manašir Yakubov) e *Overview of Muratov Studies and Activities of the "Centro Internazionale di Studi Pavel Muratov"*. Chiude la prima parte del volume la bibliografia delle sue opere, redatta da Viktorija Savel'eva secondo le norme bibliografiche russe.

I due si incontrano idealmente anche nella seconda parte del volume, che contiene gli atti dell'ultimo convegno dedicato alla vita e all'opera di Pavel Pavlovič: il Colloquio Internazionale "Lecture Muratoviane III", svoltosi a Napoli all'Università "L'Orientale" dal 28 al 30 settembre 2017 su iniziativa di Xenia Michajlovna, affiancata, nel comitato scientifico, da Michaela Böhmig e Lucia Tonini. I saggi qui raccolti sono presentati nell'ordine che avevano nel programma del Colloquio, dove erano raggruppati nelle seguenti sezioni: "Immagini d'Italia", "Luoghi e presenze", "Uomo poliedrico: erudito, critico d'arte, museologo, editore, collezionista, antiquario", "Ispirazioni letterarie e artistiche. Icona e arte bizantina", "Russia e Italia". Purtroppo non è stato possibile reperire il testo della relazione letta da Xenia in quella sede, intitolata "*Immagini d'Italia della principessa Maria Gagarina: il primo tentativo di traduzione dell'opera di Muratov in inglese e della sua diffusione nel mondo (1913)*".

Il nostro desiderio, comune tanto agli studiosi dell'opera di Muratov quanto agli amici, colleghi ed estimatori di Xenia Michajlovna, è che sia possibile continuarne, nella sua memoria, l'opera di promozione e divulgazione dell'eredità letteraria e culturale di Pavel Muratov.

I promotori del volume
Rita Giuliani
Valentino Pace
Oleg Tarasov

Roma, marzo 2021

AVVERTENZA

Nei testi in caratteri latini è stata adottata la traslitterazione scientifica dal russo, che è stata impiegata anche nella trascrizione dei nomi russi, salvo diversa indicazione da parte delle persone – autori, sottoscrittori – interessate.

Nelle indicazioni bibliografiche, alcuni luoghi d'edizione sono dati in forma abbreviata:

M. Mosca

L. Leningrado

SPb. San Pietroburgo

Ritengo opportuno condividere con gli studiosi di Muratov due informazioni che mi sono state fornite da Xenia Michajlovna sulla base dei materiali dell'archivio di famiglia. Si tratta della data del primo viaggio in Italia dello scrittore, avvenuto nel 1908, e di quella del secondo matrimonio con Ekaterina Sergeevna Urenius, risalente al 1920. Negli studi muratoviani sono invece quasi sempre attestati, rispettivamente, il 1907 e il 1912. Mi scriveva Xenia il 2 gennaio 2019: «Quando sono stata a Mosca in ottobre ho ritrovato a casa alcune carte e documenti che ho cercato da tempo e che ci permettono di introdurre alcune precisazioni nella biografia di PP [Pavel Pavlovič]. Infatti, era in Italia per la prima volta in autunno del 1908, e non nel 1907. Era un errore di Evgenija Vladimirovna [la prima moglie] che non dava molto importanza alle date e ai luoghi. Ci sono ancora alcune piccole cose che ho introdotto nel testo dei *Vechi* e che ti manderò appena sarà finito». Una prima versione dell'articolo *Vechi žizni i tvorčestva P. P. Muratova* (Eventi salienti della vita e dell'opera di P. P. Muratov), a firma congiunta di Xenia Michajlovna e di Gerol'd Vzdornov, è stata pubblicata nel catalogo della prima mostra dedicata allo scrittore, svoltasi a Mosca nel 2008 (in *Vozvraščenie Muratova* cit., pp. 19-22) in concomitanza col primo convegno internazionale sull'opera dello scrittore. Negli anni successivi Xenia continuò ad aggiornare questo testo, nella cui ultima redazione, ancora inedita, figura la data esatta della registrazione del secondo matrimonio di Pavel Pavlovič: il 1920. In accordo con gli Autori, in questa miscellanea l'epoca del primo viaggio in Italia di Muratov è stata pertanto riportata al 1908, data peraltro attestata negli scritti di Boris Zajcev e di Michail Osorgin, compagni del primo 'viaggio in Italia' di Muratov.

RINGRAZIAMENTI

Voglio esprimere un ringraziamento particolare a Valentino Pace e ad Oleg Tarasov che hanno condiviso con me il progetto di questa pubblicazione e che sono stati prodighi di suggerimenti, consigli, consulenze, e generosi nel mettere a disposizione materiali fotografici per le illustrazioni del volume, e ad Alessandro Romano, traduttore italiano di *Immagini dell'Italia*, prezioso collaboratore alla cura del testo. La mia riconoscenza va anche a Vasilij Tolmačev, Marina Lopuchova, Gabriele Mazzitelli e (nuovamente) ad Alessandro Romano e Valentino Pace per l'aiuto fornito a Viktorija Savel'eva nel raccogliere e ordinare la folta bibliografia di Xenia Muratova. Grazie anche a Paola Buoncristiano per l'attenta rilettura del testo, a Lucetta Negarville, Caterina Trocini e (nuovamente) a Oleg Tarasov per l'amichevole aiuto prestatato nell'approntamento di questa pubblicazione. Un ultimo, sentito, ringraziamento va a Lena M. Lencek, a Georges de Canino, a John F. Callahan e ai sottoscrittori della *Tabula in memoriam*, che hanno reso possibile la pubblicazione del volume.

Rita Giuliani

Об этой книге

Ксения Михайловна Муратова никогда не встречала Павла Павловича Муратова (1881 – 1950), навсегда покинувшего Россию еще в 1922 году. Однако «незримое присутствие»¹ известного писателя всегда ощущалось в доме Муратовых в Москве – в книгах, картинах, мебели и, конечно, в семейных воспоминаниях, в которых имя родственника-эмигранта произносили неизменно шепотом. Италия – страна искусства и красоты, захватывала воображение Ксении Михайловны с детства. Поэтому с годами у Ксении и Павла Павловича появится много общего – страстная увлеченность историей искусства, изысканный вкус и восхищение прекрасным. И, наконец, они начинают ‘встречаться’ на страницах научных работ Ксении Михайловны и прежде всего в рамках научного общества “Liberassociazione Paolo Muratov”, которое она основала в Риме в 2012 году, и вскоре переименовала в “Международный научно-исследовательский Центр Павла Муратова” (“Centro internazionale di studi Pavel Muratov”). На страницах настоящего издания они ‘встречаются’ вновь – в сборнике статей и материалов международной конференции “Третьи Муратовские Чтения”, проходившей в Неаполе 28-30 сентября 2017 года и организованной университетом “Л’Ориентале” по инициативе Ксении Михайловны в сотрудничестве с Микаэлой Бёмиг и Лючией Тонини.

Вместе с тем настоящая книга является данью памяти Ксении Михайловны Муратовой, скончавшейся в ноябре 2019 года. Настоящим собранием текстов мы стремились возместить эту тяжелую для нас утрату. Сборник является свидетельством глубокого и искреннего уважения нашей близкой подруги, красивой и очаровательной женщины. Поэтому ее первая часть посвящена Ксении Михайловне как известному искусствоведу, популяризатору и интерпретатору произведений своего знаменитого родственника – литератора, историка, искусствоведа и переводчика. Ксения Михайловна была космополиткой, каким был и Павел Павлович. Ее любовь к странствованиям отражалась даже в

---

¹ К. М. Муратова, *Незримое присутствие*, в *Возвращение Муратова. От «Образов Италии» до «Истории кавказских войн»*. По материалам выставки “Павел Муратов – человек Серебряного века” в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина 3 марта – 20 апреля 2008 года, под общ. ред. Г. И. Вздорнова и К. М. Муратовой, М. 2008, с. 105-111.

манере подписываться: обычно она писала свое имя по-итальянски ('Xenia'), иногда по-французски ('Xénia'), но неизменно отказывалась от научной транслитерации ('Ksenija'), требуя от своих близких друзей называть ее русским именем 'Ася'. Воспоминания друзей и коллег, характеристики Ксении Михайловны как специалиста по средневековому искусству дополнены в первом разделе книги ее ранее неопубликованными текстами: *Mostra di Paolo Muratov a Roma / Выставка П. П. Муратова в Риме; Вспоминая о Манашире Якубове; Overview of Muratov Studies and Activities of the "Centro Internazionale di Studi Pavel Muratov"*. В конце первого раздела представлена также библиография трудов К. М. Муратовой, составленная Викторией Савельевой согласно русским библиографическим нормам.

Во второй части сборника собраны статьи, которые публикуются в том порядке, в котором они были прочитаны участниками конференции в качестве докладов, то есть по разделам: "Образы Италии", "Места и люди", "Многогранный человек: эрудит, искусствовед, музейвед, издатель, коллекционер, антиквар", "Литературные и художественные тенденции", "Иконы и византийское искусство", "Россия и Италия". К большому сожалению, нам был недоступен доклад самой Ксении Михайловны, который назывался "*Образы Италии*" княгини Марии Гагариной: *первая попытка перевода произведений Муратова на английский язык и его распространение в мире (1913 г.)*.

Продолжение исследований литературного и научного наследия Павла Павловича Муратова – общее стремление всех друзей и коллег Ксении Михайловны, всех участников настоящего издания.

*Рита Джулиани
Валентино Паче
Олег Тарасов*

Рим, март 2021 г.

ОТ РЕДАКТОРА

В текстах, написанных латинскими буквами, взята научная транслитерация с русского языка, которая принята в транскрипции русских имен, когда не существовало другого указания со стороны заинтересованных лиц (авторов и подписавшихся к изданию).

В библиографических указаниях приняты следующие сокращения:

М. Москва

Л. Ленинград

СПб. Санкт-Петербург

Считаю уместным сообщить исследователям, занимающимся творчеством П. П. Муратова, следующую информацию из семейного архива Муратовых, которую в свое время мне любезно предоставила Ксения Михайловна. Речь идет о первом путешествии П. П. Муратова в Италию в 1908 году и его втором браке с Екатериной Сергеевной Урениус в 1920 году. В исследованиях биографии П. П. Муратова эти события почти всегда датируются 1907 и 1912 годами соответственно. В письме от 2 января 2019 года Ксения Михайловна сообщала: «Когда я была в Москве в октябре, я нашла некоторые бумаги и документы, которые давно искала и которые позволяют нам ввести некоторые уточнения в биографию ПП [Павла Павловича]. На самом деле он был первый раз в Италии осенью 1908 г., а не в 1907 г. Это было ошибкой Евгении Владимировны [первой жены], не придававшей особого значения датам и местам. Есть еще некоторые мелочи, которые я включила в текст *Vex* и которые пришлю тебе, как только его закончу». Первый вариант статьи *Vexи жизни и творчества П. П. Муратова* был написан Ксенией Муратовой в соавторстве с Герольдом Вздорновым. Статья была опубликована в каталоге первой посвященной Павлу Муратову выставки, которая состоялась в Москве в 2008 году (в вышеупомянутом *Возвращении Муратова*, с. 19-22) одновременно с первой международной конференцией, посвященной творчеству писателя. В дальнейшем Ксения Михайловна продолжила работу над текстом. В последней (и еще неопубликованной) редакции статьи присутствует уже точная дата регистрации второго брака П. П. Муратова, то есть 1920 год. В этой связи мы с Авторами решили в сборнике датировать первое путешествие Муратова в Италию 1908 годом. Эта дата также подтверждается в произведениях и переписке Бориса Зайцева с Михаилом Осоргиным, с которыми Павел Муратов совершил свое первое итальянское путешествие.

БЛАГОДАРНОСТИ

Хочу выразить особую признательность соавторам проекта настоящего издания Валентино Паче и Олегу Тарасову за их ценные советы и консультации, а также те документальные фотографии, которые они любезно предоставили для иллюстрирования книги; особая признательность и Алессандро Романо, переводчику на итальянский язык книги Павла Муратова *Образы Италии* и редактору текста настоящего сборника. Хочу также поблагодарить Василия Толмачева, Марину Лопухову, Габриеле Маццителли и (вновь) Алессандро Романо и Валентино Паче за помощь, оказанную Виктории Савельевой в составлении обширной библиографии Ксении Муратовой. Благодарю также Паолу Буонкрисиано за дополнительное и внимательное прочтение текста, Лючетту Негарвилле, Катерину Трочини и (вновь) Олега Тарасова за дружескую помощь в подготовке данной публикации. Наконец, выражаю искреннюю благодарность Лене Ленчек, Жоржу де Канино, Джону Ф. Каллахану и всем участникам *Tabula in memoriam*, позволившим реализовать публикацию сборника.

Рита Джулиани

II PARTE
LETTURE MURATOVIANE III
(NAPOLI, 28-30 SETTEMBRE 2017)
ATTI

II ЧАСТЬ
МАТЕРИАЛЫ “ТРЕТЬИХ МУРАТОВСКИХ ЧТЕНИЙ”
(НЕАПОЛЬ, 28-30 СЕНТЯБРЯ 2017 Г.)

Павел Муратов, или инерция литературного канона *Rita Giuliani**

Для панорамы русской литературы 1990-х гг. Павел Павлович Муратов (1881-1950) – одно из наиболее впечатляющих ‘возвращенных имен’. Одновременный выход двух изданий *Образов Италии* в 1993-1994 гг.,¹ через семьдесят лет после полной публикации произведения в Германии² и более чем через восемьдесят лет после первого русского издания,³ вернул его имя в ряд самых значительных писателей Серебряного века. Начиная с первых годов XXI века переиздания его книги стали почти что периодическими.

Кроме того, что он был эссеистом, журналистом, искусствоведом, военным историком, рафинированным переводчиком с итальянского, английского и французского языков, Павел Муратов был автором художественных произведений: романа *Эгерия* (1922), четырех сборников новелл и рассказов – *Герои и героини* (1918, 2-ое изд. 1929), *Магические рассказы* (1922, расширенное и дополненное изд. 1928), *Три рассказа* (1922) и *Морали* (1923). Муратов написал также три комедии: *Кофейня* (1922), *Приключения Дафниса и Хлои* (1926) и *Мавритания* (1927).

Поскольку Муратов был эмигрантом, его творчество в России при советском режиме игнорировалось, и только после развала СССР некоторые его произведения стали понемногу переиздаваться. Тем не менее, творчество Муратова всё ещё не стало частью русского литературного канона и забыто даже в трудах по истории русской эмиграции, как, например, в книге Марка Раева *Россия за рубежом* – к вящему посрамлению подзаголовка *История культуры русской*

---

* giulianir@tiscali.it – Sapienza Università di Roma

Впервые: «Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка» 78 (2019), 2, с. 1-4. Текст доклада, прочитанного на “Третьих Муратовских Чтениях”, «*Immagini dell’Italia*»: *un unicum nelle lettere russe*, по большей части вошел в послесловие к первому итальянскому изданию *Образов Италии*: R. Giuliani, *Postfazione*, in P. Muratov, *Immagini dell’Italia*, v. 1, trad. di A. Romano, a cura di R. Giuliani, con un saggio di K. Petrowskaja, Milano 2019, pp. 439-461.

¹ П. П. Муратов, *Образы Италии*, ред., коммент. и послесл. В. Н. Гращенкова, М., т. I, 1993; т. II-III, 1994. П. П. Муратов, *Образы Италии*, подгот. текста и послесл. В. М. Толмачёва, М. 1994.

² П. П. Муратов, *Образы Италии*, т. I-III, Лейпциг [Берлин] 1924.

³ П. П. Муратов, *Образы Италии*, М., т. I. 1911; т. II, 1912.

эмиграции 1919-1939⁴ (1994). Глеб Струве посвятил Муратову одну страничку в книге *Русская литература в изгнании*;⁵ в историях русской литературы, выходящих на Западе, Муратов тоже оказался в небрежении: например, он не упомянут в *Истории русской литературы* Виктора Терраса⁶ (1991) и в *Энциклопедическом словаре русской литературы с 1917 года* Вольфганга Казака.⁷ Муратов был в течение многих лет забыт и патриархом итальянской русистики Этторе Ло Гатто: при том, что последний был другом и искренним почитателем русского писателя,⁸ в своих работах по истории русской литературы он посвятил творчеству Муратова всего 10 строк, упомянув его как автора *Образов Италии* и романа *Эгерия* в своей *Истории русской литературы*,⁹ но не назвал имени Муратова в своих учебниках *Современная русская литература*¹⁰ (1968) и *Пособие по русской литературе от истоков до Солженицына*¹¹ (1975).

Задуматься заставляет и отсутствие имени Муратова в русских изданиях по истории русской литературы, увидевших свет после 1990-го г. В то время, как творчеству Муратова посвящены обширные энциклопедические статьи в биографических словарях *Русские писатели 1800-1917*,¹² *Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940)*,¹³ *Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции*¹⁴ и в библиографическом словаре *Русские писатели. XX век*,¹⁵ даже следа имени Муратова нет ни в *Истории русской литературы XX века (20-90-е годы). Основные имена*, под ред. С.И. Кормилова¹⁶ (1998), ни в двухтомной

⁴ М. Раев, *Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919-1939*, М. 1994.

⁵ Г. Струве, *Русская литература в изгнании*, 2-ое изд., Paris 1984, с. 120-121.

⁶ V. Terras, *A History of Russian Literature*, New Haven and London 1991.

⁷ В. Казак, *Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года*, London 1988 [1-ое изд. *Lexikon der russischen Literatur ab 1917*, Stuttgart 1976].

⁸ См. E. Lo Gatto, «*Immagini d'Italia*» di P. Muratov, в Тот же, *Pagine di storia e di letteratura russa*, Roma 1928, pp. 99-106; E. Lo Gatto, *Boris Zajcev e Pavel Muratov*, в Тот же, *I miei incontri con la Russia*, Milano 1976, pp. 56-59. [Русское изд.: *Мои встречи с Россией*, М. 1992].

⁹ E. Lo Gatto, *Storia della letteratura russa*, 5-ое изд., Firenze 1964, p. 841.

¹⁰ E. Lo Gatto, *La letteratura russa moderna*, Firenze-Milano 1968.

¹¹ E. Lo Gatto, *Profilo della letteratura russa dalle origini a Solženicyn*, Milano 1975.

¹² Л. М. Щемелёва, *Муратов Павел Павлович*, в *Биографический словарь. Русские писатели 1800-1917*, т. 4, М-П, М. 1999, с. 171-175.

¹³ В. М. Толмачёв, *Муратов П. П.*, в *Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940)*, гл. ред. А. Н. Николюкин, т. 1, *Писатели русского зарубежья*, ч. 2, М. 1994, с. 124-130.

¹⁴ В. М. Толмачёв, *Муратов П. П.*, в *Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь*, М. 1997, с. 432-435.

¹⁵ И. В. Ваганова, *Муратов Павел Павлович*, в *Русские писатели. XX век. Библиографический словарь*, в 2 ч., ч. 2, М-Я, под ред. Н. Н. Скатова, М. 1998, с. 69-72.

¹⁶ *История русской литературы XX века (20-90-е годы). Основные имена*, под ред. С. И. Кормилова, М. 1998.

Истории русской литературы. XX века Е. Абелюк и К. Поливанова¹⁷ (2009), составленной по принципу ‘медальонов’, ни в трехтомнике *Русская литература 1920-1930-х годов. Портреты прозаиков*¹⁸ (2016). В *Истории русской литературы XX-начала XXI века. Часть I. 1890-1925 годы*¹⁹ (2014), составитель В.И. Коровин, Муратову посвящены буквально пять строчек.

На Западе Муратову повезло ничуть не больше. Если ограничиться только русистикой Италии – страны, с которой Муратов был теснее всего связан биографически, эмоционально и творчески, ему нет места в наиболее известных трудах по истории русской литературы – таких, как монументальная трехтомная *История русской литературы* под редакцией В. Страды, Э. Эткинды, И. Сермана и Ж. Нива (1989), в которой Жорж Нива бегло упоминает лишь *Образы Италии*, ошибаясь при этом в названии издательства;²⁰ Муратов проигнорирован и в *Истории русской литературной цивилизации*²¹ под редакцией Микеле Колуччи и Риккардо Пиккио (1997) – равно как и в самых последних по времени выходах *Истории русской литературы XX века*²² Гуидо Карпи (2016) и *Истории русской литературы*²³ А. Кана, М. Липовецкого, И. Рейфман и С. Сандлер (2018).

Австралийский критик Клайв Джеймс в своей книге *Cultural Amnesia. Necessary Memories from History and the Arts* (Культурная амнезия. Необходимая память истории и искусства, 2007) посвятил Муратову очерк, в котором заметил: «he [Muratov] wrote at least one book well equipped to last beyond his time and ours as well, but today it is as he had never existed».²⁴ Это – *Образы Италии*, книга, которая поразила Джеймса «like a long and beautiful poem», и по поводу которой критик вопрошает: «Can a great book vanish? The fate of Muratov’s *Obrazy Italii* [...] suggests that it can».²⁵ Джеймс оценивает книгу в апологетических тонах, подчеркивая магическое очарование стиля, дерзость и обоснованность некоторых критических суждений, новаторских для времен

¹⁷ Е. Абелюк, К. Поливанов, *История русской литературы XX века*, в 2 кн., М. 2009.

¹⁸ *Русская литература 1920-1930-х годов. Портреты прозаиков*, в 3 т., т. 1, кн. 1, 2, ред. коллегия А. Г. Гачева, Н. В. Корниенко, А. Б. Куделин и др., М. 2016.

¹⁹ *История русской литературы XX – начала XXI века. Часть I. 1890–1925 годы*, сост. В. И. Коровин, М. 2014, с. 36.

²⁰ *Storia della letteratura russa*, diretta da E. Etkind, G. Nivat, I. Serman, V. Strada, t. III, *Il Novecento*. v. I, *Dal decadentismo all'avanguardia*, Torino 1989, p. 737.

²¹ *Storia della civiltà letteraria russa*, diretta da M. Colucci e R. Picchio, 2 vv., Torino 1997.

²² G. Carpi, *Storia della letteratura russa. II. Dalla rivoluzione d'Ottobre a oggi*, Roma 2016.

²³ A. Kahn, M. Lipovetsky, I. Reyfman, S. Sandler, *A History of Russian Literature*, New York 2018.

²⁴ C. James, *Paul Muratov*, в Тот же, *Cultural Amnesia. Necessary Memories from History and the Arts*, New York-London 2007, p. 524.

²⁵ Там же, p. 526.

Муратова, верность вкуса и «ability to compress an encyclopaedic erudition into a dramatic prose narrative»:²⁶

As a book on Italian Grand Tour it not only stands directly in the tradition of Goethe, Gregorovius, Burckhardt and Arthur Symons, but it is better than any of them. (Better than Goethe? Yes, better than Goethe).²⁷

Определение «a genuine unknown masterpiece»,²⁸ однако, может быть актуально только для читателя, не являющегося русистом, поскольку книга на самом деле отнюдь не забыта. Преломляя полемическое копье в пользу итальянской русистики, необходимо вспомнить то, о чем и Джеймс вскользь упоминает, не называя, однако, имен: начиная с середины 1990-х гг. две итальянские исследовательницы, Патриция Деотто и Даниела Рицци посвятили Муратову свои весьма значительные труды как био-библиографического, так и литературно-критического характера; при этом в работе Даниелы Рицци творчество Муратова вписано в широкий контекст литературы модернизма.²⁹

Тем не менее, Джеймс поставил вполне конкретную проблему. Длительное забвение имени Муратова поднимает вопросы, принципиально важные с точки зрения представлений о русском литературном каноне и критериях его построения.

Джеймс лишь бегло касается возможных причин этого забвения творчества Муратова: невнимание к нему самих русских эмигрантов, полувековая увлеченность западной интеллигенции эстетическим каноном марксизма-ленинизма и, следовательно, постоянные уступки ему в том, что касается оценки произведений так называемой ‘буржуазной’ русской культуры, которые не вписываются в требования советского культурного истеблишмента.³⁰

В среде же русской эмиграции, часто раздираемой взаимной враждой и соперничеством, художественные произведения Муратова оценивались очень по-разному.³¹ Г. В. Иванов в 1927 г. оценивал их как анахронизм, утверждая:

²⁶ Там же, p. 529.

²⁷ Там же, p. 527.

²⁸ Там же.

²⁹ П. Деотто, *Библиография П. П. Муратова*, в *Archivio italo-russo II / Русско-итальянский архив II*, a cura di D. Rizzi e A. Shishkin, Salerno 2002, pp. 365-394; П. Деотто, *Путевые заметки Муратова на грани двух жанров*, в *Studi in ricordo di Carmen Sánchez Montero*, v. I, a cura di G. Benelli e G. Tonini, Trieste 2006, pp. 85-93; Д. Рицци, *Литературный и художественный контекст в “итальянских” новеллах П. Муратова*, в «Вторая проза». Русская проза 20-х–30-х годов XX века, состав. В. Вестстейн, Д. Рицци, Т. В. Цивьян, Trento 1995, pp. 179-195.

³⁰ См. С. James, *указ. соч.*, p. 529.

³¹ См. Т. Н. Фоминых, Н. А. Каспирович, *Художественная проза П. П. Муратова в литературе*

«Важно другое: все они одинаково made in 1910».³² Напротив, роман *Эгерия* был высоко оценен М. Слонимом³³ и М. Алдановым.³⁴ В эти годы сложились штампы, надолго определившие отношение к писателю: утверждения о чужеродности его текстов национальной литературной традиции и его постоянно подчеркиваемая склонность к подражанию повествовательной манере и стилю Анри де Ренье. Если говорить о первом из этих штампов, вспомним, что в те же самые годы как «чуждые» и «беспольные» осуждались и Евгений Замятин, и Михаил Булгаков.

В 1928 г. о *Магических рассказах* дал проницательное суждение В. Ф. Ходасевич:

И вот, на фоне несовременного построения, на фоне не-русского стиля, не-русского пейзажа и не-русского города – из рассказов Муратова глядит на нас лицо автора, глубоко взволнованного прежде всего европейской современностью и смотрящего на нее так, как может смотреть именно русский, в двойственном сознании глубокой связи и глубокой отличности.³⁵

Еще в середине 1950-х гг. Глеб Струве подчеркнет культурность, изысканность, «западноевропейский покррой» писателя; заметит, что «его рассказы и его исторический роман *Эгерия* отмечены занимательной фабулой, быстро разворачивающимся действием, нарочитым пренебрежением к психологизму».³⁶ Тем не менее, по мнению критика, они остаются вне толстовской традиции, и его пьесы (из которых Струве вспомнит только две) «тоже, скорее, вне русской драматической традиции».³⁷ Но может ли это быть основанием для исключения писателя из национального канона? Без новаторства и потрясения основ традиции невозможна динамика ни культуры, ни литературы.

Однако наша задача заключается не в том, чтобы доказать художественную ценность литературного наследия Муратова или обосновать его позиционирование

ной критике 1920-х гг. и в современном литературоведении, «Вестник Пермского университета», 3 (2010), с. 103-106.

³² Г. В. Иванов, <Рец.>, «Современные Записки», кн. XXXIII, в Тот же, *Собрание сочинений в 3 т.*, т. 3, М. 1994, с. 507.

³³ См. М. Слоним, <Рец.>, *Муратов П. «Эгерия»*. Берлин, 1922, «Воля России», 5 (1923), с. 52-61.

³⁴ См. М. Алданов, <Рец.>, *П. П. Муратов. «Эгерия»*. Издательство З. И. Гржебина, 1922, «Современные Записки», XV (1923), с. 403-406.

³⁵ В. Ф. Ходасевич, <Рец.>, *П. Муратов «Магические рассказы»*. Издательство «Возрождение». Париж, 1928, в Тот же, *Собрание сочинений в 4 т.*, т. 2, М. 1996, с. 179.

³⁶ Г. Струве, *указ. соч.*, с. 121.

³⁷ Там же.

в литературном процессе определенной эпохи; скорее, это необходимость задаться вопросом о правомерности исключения даже *Образов Италии*, по единодушному приговору времен – бесспорного шедевра писателя – из русского литературного канона. Столь же единодушно все исследователи, занимавшиеся этим текстом, подчёркивают сложность его жанровой дефиниции и его демонстративную книжность. Именно это последнее свойство препятствует отнесению *Образов Италии* к разряду литературы путешествий или очерковой литературы. Так мы оказываемся перед лицом парадоксального факта: *Образы Италии* – эта культовая книга, культурное значение которой признано единогласно, не является частью национального литературного канона.³⁸

Здесь уместно задаться вопросом: а какие, вообще говоря, литературные жанры должны быть признаны литературным каноном? Это только художественная литература? История литературы свидетельствует о том, что критерии вхождения текста или имени в литературный канон разнообразны и неоднозначны.³⁹ И как относиться к произведениям гибридной поэтики с точки зрения теории жанров, допустив, что в XXI веке эта теория еще легитимна? Можно ли игнорировать книгу, ставшую культурным событием и впечатавшуюся во вкус и нравы эпохи? Представляется, что ответ на этот вопрос должен бы быть отрицательным в том случае, если рамой, в которую мы вписываем такую книгу, является не столько изящная словесность как таковая, т. е., художественная литература, сколько история национальной словесности как отрасли духовной жизни данной цивилизации.

Неприятие *Образов Италии* русским литературным каноном представляется тем более неправомерным, что при этом оказывается забытым одно из наиболее знаменитых и при этом типологически наиболее близких книге Муратова произведений русской словесности: *Письма русского путешественника* Карамзина. Невзирая на глубокие и, я бы сказала, вполне очевидные различия, природа этих произведений, гибридов изящной словесности и публицистики, одинакова. Одно – утопическое и оптимистичное, другое пронизано ностальгией по далекому и безвозвратно ушедшему золотому веку: довольно-таки типичный феномен «генетической памяти литературы» (по выражению С. Г. Бочарова).⁴⁰

К *Образам Италии* вполне применимы жанровые дефиниции, даваемые *Письмам русского путешественника*: «своего рода беллетризованный Бедкер,

³⁸ *Образы Италии* не фигурируют среди русских ‘канонических’ книг XX века, которым посвящена кн.: И. Сухих, *Русский канон. Книги XX века*, М. 2017.

³⁹ См. M. Virolajnen, *Criteri di ‘canonicità’ dei testi letterari*, «Critica del testo», X (2007), 1, *Il canone europeo*, с. 59-65.

⁴⁰ С. Г. Бочаров, *Филологические сюжеты*, М. 2007, с. 539-550.

украшенный забавными сюжетами справочник для путешественников по Европе»,⁴¹ но тот факт, что обе книги остаются востребованными читателями на протяжении двух и одного веков соответственно (цитирую утверждение Лотмана и Успенского по поводу книги Карамзина), – «свидетельствует, что перед нами не указатель достопримечательных мест, а литературное произведение».⁴² *Письма* Карамзина соединяют в своем нарративе «признаки “нехудожественности” и жанрового синкретизма, ориентацию не на какой-либо жанровый канон, а на свободную смесь разнохарактерных в жанрово-стилистическом отношении отрывков».⁴³ То же самое происходит в книге Муратова.

Лотман и Успенский определили роль *Писем русского путешественника* в русской культуре – и эта роль удивительно аналогична той, которую играют в ней *Образы Италии*:

Путешественник Карамзина – это путешественник с книгой в руках. Он смотрит на то, что уже знает по описаниям, и не стесняется книжных заимствований в своем произведении [...] печатный текст *Писем*, с одной стороны, как бы переливался в жизненное поведение читателей, становясь фактом культуры чувств и поступков людей, чья жизнь лежала за пределами искусства, а с другой – вливался в синкретическое единство культуры, становясь словесным элементом [...] ее целого – того культурного мира, в который входили памятники архитектуры, живописи, всех форм человеческого труда и обжитого человеком пространства Европы, а прошлое и настоящее сливались в неразрывности памяти.⁴⁴

Карамзин в России положил начало традиции «чувствительного путешествия», которая, будучи отвергнута культурным переворотом, последовавшим за первой мировой войной, революцией 1917 г. и семьюдесятью годами советского режима, обрела в *Образах Италии* свой пункт конечного назначения.

В книге Муратова очевидны элементы литературности: стиль, словесно-образная структура, тропы. Образный способ выражения – это для историко-критического труда установка необычная, поскольку образность – это сущностная особенность поэзии. Образы Муратова обладают теми самыми качествами, которые Роже Кайлуа считает неотъемлемым признаком поэтического образа: у них есть собственная энергия, они «верны и предполагаемы» и как бы колеблются

⁴¹ Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, «*Письма русского путешественника*» Карамзина и их место в развитии русской культуры, в Н. М. Карамзин, *Письма русского путешественника*, издание подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский, Л. 1984, с. 531.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, с. 568.

⁴⁴ Там же, с. 572-573.

между «очевидностью и неожиданностью».⁴⁵ Таковы, например, следующие образы: «Внезапно смолкают птицы на дуплистых деревьях парка. Деревенская улица безлюдна, и на ней дремлет старый пес, уронив свою седую голову в мягкую пыль. И самая пыль спит крепким сном, и ветер напрасно будит ее»;⁴⁶ «Рим дорог тем, что в нем так прекрасно и так печально. [...] Все, на чем останавливается здесь взор, – гробницы, но так долго обитала здесь смерть, что этот старейший и царственнейший из ее домов стал, наконец, самим домом бессмертия».⁴⁷

Грандиозную и гармоничную картину создает искусное сочетание ‘образов’, будь то лаконичная метафора о Римской Кампанье («Даже акведуки кажутся здесь стадами, бегущими через пространства»),⁴⁸ массовая сцена, жанровая картинка, описание памятника, пейзаж, экфрасис произведения искусства, биографический набросок, исторический эпизод, адресация к эмоциям. Образы вовлекают в рецепцию текста не только зрение, но и другие ощущения: обоняние, осязание, слух и даже вкус. Субъективно-личностный критерий их отбора и тот факт, что в основу текста книги легли воспоминания и впечатления путешествия, ‘сердечные излияния’, столь частотные в нарративе книги, позволяют рассматривать ее жанровую специфику на фоне автобиографических жанров, таких, как мемуарная литература и эссеистика, позволяющих говорить об автобиографизме Муратова, подразумевая под этим термином метод писателя, переносящего в текст субъективные переживания.⁴⁹

Прозрачной ясности образов в *Образах Италии* соответствует почти терминологическая точность выразительного плана текста – и в результате эти образы периодически обретают афористический характер: «Маска, свеча и зеркало – вот образ Венеции XVIII века».⁵⁰

В 1926 г., в статье *Искусство прозы*, излагая свою собственную теорию прозы, Муратов определил особенности так называемого *эссеизма*. Согласно его суждению, историки, путешественники, мемуаристы, эссеисты сопрягают в своих произведениях «прозу повествовательную и описательную» и «кажутся нам уже совсем “художниками” по мастерству и изяществу языка, [...] “эссеисты”

⁴⁵ R. Caillois, *Vocabulaire esthétique*, Paris 1991, p. 79.

⁴⁶ П. П. Муратов, *Образы Италии*, ред., коммент. и послесл. В. Н. Гращенкова, указ. соч., т. I, с. 226.

⁴⁷ Там же, т. II, с. 22.

⁴⁸ Там же, т. II, с. 100.

⁴⁹ См. М. Медарич, *Автобиография/автобиографизм, в Автоинтерпретация. Сборник статей*, под ред. А. Б. Муратова и Л. А. Иезуитовой, СПб. 1998, с. 5-6.

⁵⁰ П. П. Муратов, *Образы Италии*, ред., коммент. и послесл. В. Н. Гращенкова, цит., т. I, с. 64.

вообще доказывают, что мысль может быть таким же элементом художественного делания, как и слово». ⁵¹ И, в частности, «всякий мемуарист стремится восстановить былое, воскресить жизнь. В рассказе его должна быть для этого особая степень жизненной *заразительности*». ⁵² Все эти нарративные элементы легко обнаружить в *Образах Италии* – специфика муратовской манеры повествования самым счастливым образом предвещает его теорию прозы.

Индикатором своеобразия индивидуальной теории прозы Муратова становится то восхищение, которое он питал перед стилем и повествовательными стратегиями *Мемуаров* Казановы; вот что он писал о Казанове в *Образах Италии*:

[...] эта книга может служить примером повествовательной прозы. [...] Но всякий писатель должен со вниманием приглядеться к тому, как удержана небледнеющая жизнь на этих страницах. Каждый должен пройти через этот опыт колоссальной повествовательной энергии. [...] Оставаясь верным действительности, Казанова был одарен в то же время необыкновенным воображением. Никакая память, даже его память, не в силах удержать с такой ясностью неисчислимые подробности. Изображая их с такой зрительной правдой и такой живой осязательностью, он, несомненно, испытывал прилив подлинного вдохновения. И это вдохновение – чисто писательское творчество. [...] Для нас его книга драгоценна, ибо пробуждает в нас то “сочувствие”, которое является целью всякого художественного произведения. ⁵³

Этой последней фразы не постыдился бы и сам Карамзин.

Достаточно ли сказанного выше для того, чтобы говорить об *Образах Италии* как о художественном произведении? По-моему, да – если только признать, что книга Муратова обладает всеми его признаками: формальным совершенством текста, изысканным стилем, нарративными стратегиями, основанными на доминанте художественной образности, наконец, ориентацией на ‘чувствительное путешествие’, придающей тексту «особую степень жизненной *заразительности*». Этот критерий – ‘заразительность’ – Муратов унаследовал от Толстого, утверждавшего в статье *Что такое искусство?*: «Признак, выделяющий настоящее искусство от поддельного, есть один несомненный – заразительность искусства», ⁵⁴ и далее уточнявшего:

⁵¹ П. П. Муратов, *Искусство прозы*, «Современные Записки», XXIX (1926), с. 241.

⁵² Там же, с. 242. Курсив Муратова – Р. Дж.

⁵³ П. П. Муратов, *Образы Италии*, ред., коммент. и послесл. В. Н. Гращенкова, цит., т. I, с. 82-83.

⁵⁴ Л. Н. Толстой, *Что такое искусство?*, в Тот же, *Полное собрание сочинений в 90 т.*, т. 30, М. 1951, с. 148.

Искусство же становится более или менее заразительно вследствие трех условий: 1) вследствие большей или меньшей особенности того чувства, которое передается; 2) вследствие большей или меньшей ясности передачи этого чувства и 3) вследствие искренности художника, то есть большей или меньшей силы, с которой художник сам испытывает чувство, которое передает.⁵⁵

Что же касается проблемы гибридности жанра, столь счастливо воплощенной в *Письмах русского путешественника* Карамзина, то и Муратов, следуя этим путем, навсегда вписал свои *Образы Италии* в литературную традицию XX века, особенно преданную идее синтеза жанров и размывания их границ. На своем текстовом уровне *Образы Италии* отличаются тем самым «эстетическим достоинством» («aesthetic dignity»), которое для Бодлера и Ауэрбаха составляло отличительный признак каноничности литературного произведения.⁵⁶ Критик Гарольд Блум заметил: «One breaks into the canon only by aesthetic strength, which is constituted primarily of an amalgam: mastery of figurative language, originality, cognitive power, knowledge, exuberance of diction»,⁵⁷ – все эти качества единодушно признаны присущими книге Муратова. Блум определил и минимальный период времени, необходимый для верификации каноничности текста: около двух поколений после смерти писателя:⁵⁸ *Образы Италии* удовлетворяют и этому условию – и даже с избытком.

Включать ли Муратова в каноническую парадигму классиков русской литературы – это вопрос открытый; но, безусловно, историческая судьба его книги демонстрирует экстраординарную инерционность русского литературного канона и его сопротивление каким бы то ни было изменениям. Почему, например, в каждом труде, посвященном истории русской литературы, непременно фигурируют Чаадаев и его *Философические письма*, заведомо не принадлежащие к разряду художественных текстов? Если в истории литературы есть место для авторов и произведений, значимых с точки зрения идеологии и философии, то почему в ней не находится места для тех писателей, произведения которых, помимо их самостоятельной ценности, стали знаковыми для их культурной эпохи? Можно ли изолировать литературу от культуры?

Вот вопросы, которые я предлагаю коллегам, занимающимся теорией литературы.

---

⁵⁵ Там же, с. 149.

⁵⁶ См. Н. Bloom. *The Western Canon. The Books and School of the Ages*, New York-San Diego-London, p. 36.

⁵⁷ Там же, p. 29.

⁵⁸ «Canonical prophecy needs to be tested about two generations after a writer dies», там же, p. 522.

В заключение предлагаю несколько кратких соображений.

В далеком 1953 г., во втором издании своей знаменитой книги *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter* (Европейская литература и латинское Средневековье, 1948), Э. Р. Курциус утверждал, что европейская литература конца XIX-начала XX вв. «еще недостаточно изучена, еще не выяснено, что в ней мертво, а что живо»⁵⁹ и отмечал необходимость «достаточно длительного времени для изживания наследия эпох декаданса и эстетической убогости».⁶⁰ Эти утверждения кажутся мне абсолютно применимыми и к русской литературе, и к шедевру Муратова, который во всё продолжение семидесятилетнего советского режима оставался жертвой не только идеологической цензуры, способствовавшей забвению памяти о писателе, но и неоспоримого культурного застоя, в который погрузилась вся страна. Именно по причине неизмеримости постигнувших XX век «культурных катастроф» Курциус утверждал «настоятельную необходимость» «восстановления “памяти”».⁶¹ *Образы Италии* неоспоримо составляют часть русской (и не только русской) культурной памяти.

И под конец я хотела бы обратиться к кардинальному концепту муратовских представлений о мире и искусстве: к концепту красоты, который в той же мере присутствовал и в сознании великого наставника русского писателя, Уолтера Патера, с произведениями которого Муратов первым познакомил русского читателя в 1908 г.⁶² Английский критик говорил о «Доме Красоты»: «that *House Beautiful* which the creative minds of all generations – the artists and those who have treated life in the spirit of art – are always building together».⁶³ Слова Патера нашли живой отклик в работах Курциуса, который настоятельно подчеркивал важность канона, ориентированного на идею красоты: «Поэтому Дом Красоты никогда не будет достроен и заперт. Он постоянно достраивается и остается открытым».⁶⁴

Перевод с итальянского О. Б. Лебедевой

⁵⁹ E. R. Curtius, *Letteratura europea e Medio Evo latino*, a cura di R. Antonelli, Firenze 1995, p. 24.

⁶⁰ Там же, p. 436.

⁶¹ Там же, p. 438.

⁶² У. Патер, *Воображаемые портреты. Ребенок в доме*, пер. с английского и вступ. статья П. Муратова, М. 1908.

⁶³ W. Pater, *Appreciations. With an Essay on Style*, London-New York 1889, p. 243. Курсив Патера – Р. Дж.

⁶⁴ Curtius E. R., *указ. соч.*, с. 439.